

Сергей Монастырский

Простая жизнь

18+

Сергей Семенович Монастырский

Простая жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57264808

SelfPub; 2020

Аннотация

У героини этой повести была простая, ничем не примечательная жизнь. Впрочем, как и у большинства людей. Но, что же тут поделаешь...

Вспоминать о прошлом Римма не любила. Ну, не то, что не любила- боялась, гнала от себя эти мысли, потому что сразу хотелось плакать. Было жалко, что все ушло, что жизнь проходит...

Нет, лучше об этом не думать! Но как не думать, когда си-дишь, целый день в пустой комнате, уставившись в телеви-зор, задремываешь, просыпаешься, снова задремываешь...

Читать она уже не могла – плохо видела, уже за девяносто – что вы хотите!

Все разнообразие – перебраться на кухню, что-то поку-шать. Да вечером, по пути с работы, на полчаса забегает сын. Обязательно принесет продукты, что-то подправит, по-делает.

– На полчаса

– Ты бы посидел, поговорил...

– Мам, извини, дела еще, в другой раз.

Другого раза ждать долго. Потому, хочешь, не хочешь, а вспоминать хоть и грустно, но другого занятия нет.

Вот, что удивительно – самое ослепительное счастье в ее жизни – это война.

Ну, восемнадцать же лет! Все что видела до этого – ра-бочий поселок в таежной глухомани, маленькая деревян-ная школа, и, слава богу, успела выучиться до войны. Dere-вянный же клуб, где протекала вся так называемая личная жизнь, строгая мама, куча запретов – туда не ходи, приди во

время, пойдй, помоги. . .

А, куда не ходи? За поселок и не выйдешь – тайга, да единственный большак, ведущий куда-то километров за пятьдесят, нет, не в город – в другой поселок. Вот и весь мир.

Ждала. Окончу школу – поеду учиться в город. Где этот город, и какой он – не представляла.

Какой город, какая учеба?! Через месяц после школы началась война. В те годы девять классов – все равно, что высшее образование. Ее направили на курсы, и через четыре месяца она была уже младшим лейтенантом. И вся ее юность, все пять восторженных девичьих лет прошли на войне. В одной и той же одежде – гимнастерка, юбка и кирзовые сапоги. Пистолет у нее был, но не разу за время войны она из него не выстрелила. Он был дан для самообороны, а не для победы над врагом. Врагов она просто не видела, так, из далека разве. Потому что служила она в войсках связи, а это были практически тыловые войска. Жили в окопах и в блиндажах, и, укрывшись, плащ-палатками в поле ночевали. Роскошью было провести несколько ночей в избах занятыми нашими войсками деревень.

Почему – то сама война, как таковая, не помнилась. В памяти ведь осталось самое лучшее. Как фотография, перед глазами встало озеро, с нависшими над водой ветками одуряющей пахнувшей черемухи и девчат ее женской роты, купавшихся в еще холодной воде, но все равно в какой – лишь бы отмыться от запаха пота. И хохочущие голоса ее девчат,

бегавшие от радости неумемной молодости по ночному берегу.

Парни из мужской роты, залегшие в полукилометре под строгим приказом – не приближаться, подглядывали, конечно, кое-кто и в бинокль, но приближаться не решались.

И вдруг зычный голос невесть откуда появившегося майора:

– Отставить! Кто разрешил?! Смирно!

И нелепая картина девяти совершенно голых девчат, автоматически застывших по стойке «смирно» перед командиром. Некоторые от испуга, отдавали честь.

– Отставить! – сообразив о нелепой ситуации, скомандовал майор и отвернувшись, почему-то строевым шагом, исчезнул в кустах.

... А как пахло клевером в поле, когда ротный в ходе переброски, давал час отдыха!

Стрекочут кузнечики, кружатся бабочки, она лежала в траве и ромашки заплетала в косы

... Клещи? Какие клещи! Слов то таких никто не слышал. Может, не было их в то время? Мыши были. В первый год войны не кому было убирать урожай- все на фронте, вот они и расплодились. На фронте сотнями умирали от мышинной болезни. Она тоже боялась заразиться. А что делать? Приказано залечь и ты утыкаешься лицом в землю, и чуть ли не по тебе пробегают полевые мыши. Но бог миловал.

Хотелось любить. Просило сердце, изнывало. Молодость

– то проходит.

Были, были романы! Сейчас она и не помнила их лиц. Молодые лейтенанты, солдатики, жаркие слова, рука в руке, неумелые поцелуи... И больше – ни – ни! Война, какая любовь? А вдруг забеременеешь! Увольнение, позор! Может быть и трибунал – тебя, зачем на войну призвали? Родину защищать?

А где этот нечаянный юноша? Перевели куда – то. Или вообще убьют. Тогда о смерти говорили просто. Убивали ведь каждый день. Говорят, старшие офицеры приставали, и отказать было нельзя. Не знала Римма такого, не видела. А вот о том, как она тянула кабели, как устанавливала связь со штабами, о всяких там « Чайка, чайка я орел, словом о службе – не вспоминала. Не хотела. Ну, так, работа и работа.

Была она пышненькой, полногрудой, с веселыми кудряшками. Никогда ничего не читавшей, кроме книг по школьной программе, не знавшей музеев, театров, городской жизни. – Ну, не успела, война же!

... Далеко- далеко от нее, в большом городе, в еврейском местечке, рос интеллигентный еврейский мальчик Сема. Папы у него не было, но еврейская его мама, как все еврейские мамы души в сыне не чаявшая, вбивала в Сему все, чему сама была обучена.

Сема учился музыки, играл на флейте, посещал консерваторию. Сема четко знал, с какой стороны нужно класть вилку, а с какой нож, как галантно подать руку девушке. Учен

был Сема и танцам, и неплохая собираемая поколениями библиотека была у него дома.

Сема надевал галстук и ходил в гости к тете Риве, затем после ужина с непременно шейкой индейки, чинно прогуливался по местечку с ее дочерьми – Соней и Раей.

Хороший был Сема мальчик.... Война изменила его жизнь.

В военкомате, куда он пришел по повестке, веселый капитан, даже не взял у него документы, крикнул:

– Еврей?

– Еврей, – подтвердил Сема.

Капитан посмотрел в сторону начальника, сидевшего за последним столом.

– Бери и еврея, – сказал начальник, – на войне или убьют, или быстро русским станет.

При слове «убьют» Семе стало как-то плохо.

Но его не убили. Он дошел до Берлина и от тихого еврейского мальчика действительно, ни чего не осталось. Где флейта, где книги, где чинные прогулки с Ривиными девочками?! Грязь, пот, грохот орудий, мат – перемат в окопном штабе.... Эти пять лет войны вышибли из него все предыдущие девятнадцать.

Был он худой, рыжий и носатый. Никогда в жизни, подумала Римма, да и не в первый раз подумала, они не могли бы встретиться на этой земле, если бы не война. Война перемешала все географические точки, худых и толстых, носатых

И плосконосых, ну кого только не оказалось вместе в этом кипящем котле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.